

БАРКОВ
ИВАН

ДЕВИЧЬЯ ИГРУШКА

ПАЛЬМИРА
RUGRAM

УДК 82-7
ББК 84(2Рос-Рус)6
Б25

Предисловие В. Сажина

Комментарии В. Сажина, З. Фиалковского

Барков И.

Б25 Девичья игрушка / Иван Барков ; [предисл. В. Сажина, коммент. В. Сажина, З. Фиалковского]. — СПб. ; М. : «RUGRAM_Пальмира», 2021. — 385 с. — (Серия «Пальмира — классика»).

ISBN 978-5-517-03618-6

Это издание знаменитой книги «Девичья игрушка» воспроизводит редкий рукописный сборник, который включает наиболее характерные образцы русской «потаенной литературы». Дополняют издание словари мифологических имен и обценной лексики, помещенные в конце книги.

**УДК 82-7
ББК 84(2Рос-Рус)6**

© Сажин В. Н., предисловие, 2021
© Сажин В. Н., Фиалковский З. В.,
комментарии, 2021
© Оформление.

ISBN 978-5-517-03618-6

АО «Т8 Издательские Технологии», 2021

ТЕНЬ БАРКОВА

Не многим русским писателям довелось создать свою «школу», целое литературное направление, и удостоиться легендарной славы автора завидного числа отнюдь не принадлежащих ему текстов. Барков среди них — чемпион. Это тем более достойно удивления, что безусловно подлинных его литературных произведений и переводов не наберется и с десятка, а биографические сведения о нем изобилуют больше предположениями и версиями, нежели несомненными фактами и мотивировками. Иван Семенович Барков (писалось и Борков, а отчество варьировалось в разных источниках: Степанович, Иванович) родился в 1732 году в Петербурге (или в пригороде Сестрорецке — здесь жили, видимо, его отец и сестра). Отец был священником. В 1744 году мальчик был определен в Александро-Невскую духовную семинарию. Через пять лет, узнав об отборе семинаристов в только что основанный при Академии наук университет, Барков, хоть и с опозданием, явился к профессору М. В. Ломоносову, проводившему конкурсные экзамены. 26 апреля 1748 года Ломоносов уведомил начальство об инициативе шестнадцатилетнего юноши и благосклонно отозвался о его познаниях в латыни — это был главный критерий отбора будущих студентов, поскольку университетские лекции читались по-латыни.

Баркова зачислили в университетскую гимназию (подготовительный к университету курс).

К зиме 1750 года выяснилось, что студент Барков почти ничего не смыслит в математике, слабо разбирается в истории и философии, делает большие успехи в переводах с латинского, «но больше склонен к худым делам», то бишь к пьянству и дракам (обычным, впрочем, развлечениям академических студентов). В 1751 году «худые дела» Баркова оказались более весомыми, нежели скромные успехи в науках: его штрафовали, однажды высекли, но в конце концов исключили из университета и перевели учеником наборщика в академическую типографию (впрочем, Баркову было разрешено посещать занятия языками: русским, немецким и французским).

Служебная карьера Баркова, то и дело осложняемая его пьянством и скандалами с коллегами и начальством, пролегла через должности корректора, копииста (переписчика) в академической Канцелярии, редактора академических изданий до весьма высокого статуса академического переводчика. В рамках этих служебных обязанностей (но и вне их пределов) Барков подготовил издание сочинений русского дипломата, ученого и писателя А. Д. Кантемира, перевел басни Фэдра, сатиры Горация, итальянскую пьесу Л. Лазарини «Мир героев» (с немецкого перевода). Но самой значимой интеллектуальной вехой его жизни, по-видимому, стала работа под началом Ломоносова и их взаимоотношения, предел которым положила лишь смерть Ломоносова в 1765 году.

Первоначально Барков набело переписывал ломоносовскую «Российскую грамматику», рукопись второго тома его «Сочинений», «Древнюю Российскую историю» и другие работы ученого. Затем сделал для Ломоносова копию с одного из списков «Повести временных лет» — Радзивилловской (Кенигсбергской) летописи. Это была для Баркова своеобраз-

разная и серьезная историческая школа. О ее влиянии можно судить по самостоятельным занятиям Баркова: он составил «Краткую российскую историю», перевел с латинского «Сокращение универсальной истории» Л. Гольберга, дополнив, по собственному разумению, часть, относящуюся к истории России.

Сближал Баркова с Ломоносовым, вероятно, и острый критический ум, склонность к иронии и издевке по отношению к окружающим людям, которые Барков мог обнаружить в том числе при переписке сочинявшейся Ломоносовым нелицеприятной «Краткой Истории Академической Канцелярии». Сближало их и пристрастие к выпивке, особенно проявившееся у Ломоносова к концу жизни.

После смерти Ломоносова в 1765 году последовали репрессии против его академических друзей и единомышленников. Не исключено, что в этом же ряду стоит и увольнение через год Баркова со службы в Академии наук. А через два года, в 1768 году, скончался и сам Барков — то ли покончил с собой (оставив, по легенде, записку:

Жил Барков — грешно,
А умер — смешно!),

то ли — «под хмельком и в объятиях женщины».

Как водится, посмертные легенды эксплуатируют общественное мнение. Барков был в Петербурге не безвестным человеком, тем более что он жил в маленьком городе, население которого в середине XVIII века хоть и бурно прибывало, но едва насчитывало к концу жизни Баркова 150 тысяч человек, а собственно круг ученых и литераторов (интеллигентных людей, говоря языком более позднего времени) вместе со студенчеством и духовенством едва переваливал за две сотни. Книгопечатание только-только началось и сводилось преимущественно к воспроизведению богослужебных изданий, светская книга вообще была большой редкостью

(в 1756–1760 годах выходило в среднем по 30 с небольшим книг — всё по технике, точным наукам, военному делу; «художественной» литературы набиралось три-четыре наименования в год). Литература как таковая была еще в новинку, но уже имела спрос и распространялась в рукописном виде. Поэтому когда в первой половине 1750-х годов стали появляться и ходить по рукам под именем Баркова «фривольные стихотворения», которые «обличают веселую и бодрую голову, особенно в шуточном роде... жаль только, что местами они оскорбляют чувство приличия» (свидетельство 1767 года), то они читались (и переписывались) как тексты хорошо известного в своем кругу и талантливого переводчика, «веселый нрав и беспечность» которого (как писал в 1771 году, конечно, знавший Баркова один из образованнейших его современников, книгоиздатель, основатель русской журналистики и общественный деятель Н. И. Новиков) вполне соответствуют этим стихотворениям «в честь Вакха и Венеры».

XVIII век в России уникален среди прочего тем, что в нем в течение всего лишь пяти-шести десятков лет энергично формировалась вся последующая русская литература — со всеми ее разнообразными языками, родами и жанрами, темами и проблемами, выбором ориентации на ту или иную иностранную (французскую, английскую, немецкую) или российскую культуру, оформлением понятия авторства и самой атмосферой литературной жизни, насыщенной ревностью, спорами и ссорами. Барков был деятельным участником этого процесса во всех его составляющих.

Прежде всего обнаруживалась преемственность его произведений относительно французского поэта и драматурга А. Пирона, который (в свою очередь наследуя античной традиции) в 1710 году написал фривольную «Оду Приапу» (ее непристойное содержание А. Пирону припомнили даже че-

рез сорок с лишним лет, когда отказали в принятии во французскую Академию).

Тексты Баркова нелицеприятно участвовали в литературной полемике, центральными персонажами которой были Ломоносов и Сумароков (легко представить себе, на чьей стороне был Барков). От нее до наших дней дошла такая эпиграмма Сумарокова, по-видимому отражающая его реакцию на барковскую пьесу «Дурносов и Фарнос» (см. с. 240–302 наст. изд.):

Латынска языка источник и знаток,
Российской грамоты исправный молоток,
С изрядным знанием студент наук словесных,
Составщик сатир злых, писец стихов бесчестных,
Неблагодарный дух, язвительный злодей,
Не могши никогда сего порока стерти,
Предатель истинный и пьяница до смерти —
<Вот> кто был сей творец трагедии таков.
Узнал? В ответ скажу: конечно, то Барков.

К негодованию Сумарокова и его сторонников, Барков показал, что для литературы нет неподходящих тем, ей не нужен специальный язык (или, что то же самое, ей пригодно все разнообразие лексики, языковых стилей и форм) и что нет такого жанра, который не годился бы для разговора об излюбленном им предмете (предметах).

Барков, по-видимому, сам участвовал в создании мифа о себе. Вероятно, ему было свойственно бравировать тем, что через сто лет благодаря другому поэту войдет в поговорку: «Он до смерти работает, до полусмерти пьет». Но дело не только в этом. Барков, думается, использовал ситуацию только еще формировавшегося понятия об авторстве и аккумулировал, подобные своим, тексты других авторов (на сегодня утвердилось иная версия — об интенсивном приписывании Баркову уже читателями XVIII века всего репер-

туара тогдашней эротической литературы). Анонимность текста была еще по русской средневековой традиции главенствующей, авторство не приносило совершенно никаких дивидендов, и составители многочисленных рукописных сборников, например стихотворений, формировали их, как правило, по жанровому или иному принципу (чаще всего даже не обозначая фамилии авторов) и лишь в ничтожной мере — по авторскому.

Показателем справедливости предположения о том, что Барков выступал (и так сознавался читателями) как представитель особого литературного направления и, в известной мере, собиратель такой литературы, а не как исключительно ее автор, являются дошедшие до наших дней немногочисленные сборники под заглавием «Девичья игрушка» (см. преамбулу к примеч. в наст. изд.), в которых, даже при наличии на титульном листе надписи: «Сочинения господина Баркова», — под многими из текстов обозначены имена совсем иных авторов, современников Баркова: Ломоносова, Сумарокова, И. П. Елагина, М. Д. Чулкова, А. А. Нартова, Ф. Д. Дмитриева-Мамонова, М. И. Веревкина и, наконец, государственного деятеля и известного остролова А. В. Олсуфьева (Алсуфьева; произведения последнего в рукописной традиции встречаются и как оформившийся самостоятельный комплекс).

Таким образом, появление в середине XVIII века произведений, подписанных именем Баркова (а лет двадцать спустя под его именем уже целых сборников «Девичья игрушка»), не просто означало существенное (и достаточно экстравагантное) пополнение ее репертуара, но способствовало формированию понятия автора как индивидуальности, достойной персонального интереса читателя. Барков, можно сказать, добился желаемого: после его смерти уже всякий эротический текст с обценной лексикой и «откровенного» содержания приписывался ему. Делать это оказалось тем легче, что, разумеется, на-